

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

КОМУ-ТО ПОВЕЗЕТ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

**ЗАБАВА
КОРОЛЕЙ**

Чингиз Акифович Абдуллаев

Забава королей

Серия «Дронго», книга 102

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939545

Абдуллаев Ч. А. Забава королей : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57650-0

Аннотация

В роскошном поместье, в нескольких часах езды от кенийской столицы Найроби, собралась веселая компания. Хозяин, отошедший от дел итальянский предприниматель, пригласил своих друзей, в числе которых и трое русских бизнесменов с подругами. Волею судеб там оказался и знаменитый эксперт по борьбе с преступностью Дронго. Компания собралась на «забаву королей» – так издавна называли охоту на львов. Но сафари обернулось трагедией: один из русских бизнесменов во время облавы получил пулю в грудь. Кто стрелял? Был ли это случайный выстрел – или преднамеренное хладнокровное убийство? Вопросы, вопросы... Но найти на них ответы – дело чести для Дронго. И, не дожидаясь прибытия местной полиции, он начинает вычислять убийцу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	57
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Чингиз Абдуллаев

Забава королей

Никого так ловко мы не обманываем и не обходим лестью, как самих себя.

Артур Шопенгауэр

Никогда не завидуйте тем, кто находится на самой вершине, добившись большого успеха. Возможно, яркое солнце, сильный ветер или землетрясение собьют их с этой вершины. А возможно, что более вероятно, причиной их падения станет собственный успех.

Али Эфенди

Глава 1

– Вы любите охоту? – задал он неожиданный вопрос.

– Не очень, – ответил Дронго.

– Странно, я был абсолютно уверен, что вы охотник. И должны любить охоту.

– Почему?

– Ну, хотя бы потому, что я знаю, как хорошо вы стреляете.

– Какое отношение это имеет к охоте?

– Самое прямое. Человек вашего склада должен любить

оружие и стрельбу.

– Я не люблю ни того, ни другого.

– Мне казалось, что вы по натуре охотник. Вас должен увлекать азарт погони за своей жертвой.

– Вы ошибаетесь, я не азартен. Вообще не люблю азартные игры. Тем более мне не нравится относиться к людям как к своим жертвам. Скорее наоборот. Они чаще всего жертвы собственных страстей, – убежденно произнес Дронго.

– Это именно то, что мне всегда в вас нравилось, – одобрительно произнес его собеседник. – Поэтому я хочу пригласить вас на охоту в Кению, куда отправляюсь через месяц. Вы знаете, как обычно называли охоту еще триста или четыреста лет назад? «Забава королей»! Я имею в виду настоящую охоту, когда для вас загоняют подходящего кабана или медведя.

– Разве в Кении есть медведи или кабаны? – улыбнулся Дронго.

– Конечно, нет. Я приглашаю вас на настоящую охоту. На львов. Такой смелый и сильный человек, как вы, просто должен хотя бы однажды принять участие в подобной охоте.

– Вы считаете, что мне мало адреналина в обычной жизни?

– Как раз наоборот. Я приглашаю вас отдохнуть. И, в конце концов, вам совсем необязательно самому стрелять в животных, если это вам так претит. Вы можете взять с собой фотоаппарат и делать превосходные снимки. И не забывай-

те, что нас всегда подстрахуют мои охотники.

– Фотоаппарат я возьму обязательно, – согласился Дронго, – а вот стрелять и убивать как-то не входит в мои намерения.

– Если вы скажете мне, что никогда в жизни не стреляли в людей, я вам все равно не поверю.

– Стрелял. И не единожды. Но каждый раз это был почти исключительный случай, когда крайняя необходимость заставляла меня действовать именно таким образом. И всегда я старался не убить. Хотя в меня тоже стреляли достаточно много. И чаще всего хотели именно убить.

– Значит, вам одинаково знакомы чувства охотника и жертвы, – не унимался его собеседник.

– Пусть так, – добродушно согласился Дронго. – И если я действительно соглашусь поехать в Кению, то исключительно из симпатии лично к вам, синьор Бинколетто, а никак не из-за того, что мне так хочется убить несчастное животное.

– Тогда будем считать, что мы договорились.

Синьору Энцо Бинколетто шел уже семьдесят четвертый год. Но это был сильный мужчина, все еще сохранивший прекрасную осанку и игравший по субботам в большой теннис на собственных кортах. У него было две дочери и четверо внуков. Супруга Энцо умерла восемь лет назад, и с тех пор вдовец Бинколетто стал заядлым охотником, находя в этом хобби своеобразное утешение. Его мать была родом из Алжира – наполовину француженка, наполовину арабка. От

нее он получил темный цвет лица, большой изогнутый нос, орлиный взгляд и кустистые брови. До шестидесяти шести лет, пока была жива его супруга, Бинколетто занимал должность председателя совета директоров одного из крупнейших итальянских банков. Но сразу после смерти жены подал в отставку, предпочитая праздную жизнь прежней напряженной работе. А может, ему просто нужно было сменить обстановку, поменять место жительства, отойти от привычных дел, изменить образ жизни.

В какой-то мере это ему удалось. Он купил большой участок в Кении и построил там себе двухэтажный дом, куда приглашал друзей и знакомых. Почти три месяца в году он проводил там, еще несколько месяцев ходил на своей небольшой яхте по европейским морям, а осенью обычно уединялся где-нибудь в горах, чтобы продолжить работу над мемуарами, которые он давно задумал и считал самым главным итогом своей жизни. С Дронго они познакомились достаточно давно, больше десяти лет назад. Бинколетто был интересным собеседником, который много путешествовал в своей жизни, много видел и соответственно много знал. С ним было интересно разговаривать. Он был парадоксален и забавен, что делало их общение часто непредсказуемо интересным. Их познакомила жена Дронго Джил, и с тех пор они часто бывали в гостях на вилле Бинколетто под Генуей. Дронго чувствовал себя здесь в полной безопасности и позволял себе немного расслабиться. Разумеется, осенью Джил

никогда бы не согласилась поехать с ним в Кению, она бы осталась с детьми; да он и сам не стал предлагать ей такого путешествия, понимая, что Бинколетто приглашает его одного.

Именно поэтому Дронго принял приглашение своего давнего знакомого, пообещав, что прибудет в Кению в начале октября, когда должна была состояться давно задуманная охота на львов. Однако Бинколетто предупредил эксперта, что до того, как они полетят в Найроби, он собирается встретиться со своими друзьями на юге Африки, чтобы вместе отправиться в столицу, откуда можно было доехать и до его поместья, находившегося в ста километрах оттуда.

Бинколетто заранее рассказал обо всех, кто должен был отправиться с ними в эту поездку, присоединившись к ним в Южной Африке. Это были семейные пары двух российских знакомых Бинколетто по прежней банковской жизни – Артур Ишлинский и Руслан Стригун со своими подругами, а также глава крупного российского банка Дживан Араксманян. Именно эта пятерка и должна была оказаться в Кейптауне, откуда они могли перелететь в Найроби на частном самолете.

По укоренившейся привычке Дронго постарался заранее узнать обо всех своих будущих спутниках, благо теперь можно было черпать информацию из многочисленных сайтов и сообщений. Артур Ишлинский был достаточно известным российским предпринимателем, имевшим акции круп-

ной российской нефтяной компании и «стоившим», по мнению журнала «Форбс», около ста сорока миллионов долларов. Руслан Стригун работал заместителем руководителя федерального агентства, заняв это место всего лишь два года назад. Оба были женаты вторыми браками, что считалось достаточно нормальным явлением в их среде. Стригун и Ишлинский давно дружили друг с другом и даже построили свои дачи рядом. Что касается Араксманяна, то его банк давно занимался вложениями именно в нефтегазодобывающую отрасль. Бинколетто предупредил Дронго, что с этой пятеркой прибудет и переводчик – Антон Вермишев, который уже несколько лет работал с Ишлинским и его партнерами.

Все шестеро должны были появиться в Южно-Африканской Республике сразу после двадцатого сентября, и Бинколетто предложил Дронго отправиться туда двадцать второго сентября, чтобы через два дня переехать в Найроби, где для них уже готовили грандиозное шоу под названием «охота на львов».

В самом Найроби к ним должны были присоединиться еще несколько человек – охотников и проводников, которые должны были помогать приехавшим гостям. Дронго даже не подозревал, насколько провидческими окажутся слова его давнего знакомого, когда ему придется вспомнить свое мастерство «охотника» и вместе с тем оказаться в роли своеобразной жертвы...

Прежде чем отправиться в лондонский аэропорт «Хит-

роу», еще за несколько дней до поездки, Дронго заехал в клинику и уточнил, какие именно прививки следует сделать перед поездкой в Кению. Ему необходимо было оформить страховку. Врач, миловидная женщина лет пятидесяти пяти, внимательно выслушала его, уточнив, есть ли у него хронические болезни, из-за которых стоимость страховки могла быть гораздо выше. Получив отрицательный ответ, она любезно сообщила посетителю, что он должен сделать прививки против малярии, туберкулеза, гепатита и полиомиелита. Уклониться было невозможно, без обязательных уколов не оформляли страховку. Кроме того, ему объяснили, что при отсутствии документов о сделанных прививках его просто могли не пустить на обратный рейс в самолет любой из британских компаний.

– Уколы так обязательны? – мрачно поинтересовался Дронго.

– Конечно. Это прежде всего в ваших личных интересах, – ответила врач.

– Да, я понимаю. Но дело в том, что при рождении мне делали прививку БЦЖ. Кажется, так она называлась по-русски. Я сейчас попробую перевести ее на английский... И совершенно точно мне делали прививку от полиомиелита. И даже, кажется, от оспы.

– Подождите, – прервала она его, – в какой стране вам ее делали? Дело в том, что такие прививки делали не во всех странах. Вы не англичанин?

– Нет.

– Из какой вы страны?

Он вздохнул. Той страны, в которой ему делали в детстве прививки от туберкулеза и полиомиелита, уже не существовало.

– Мне делали их в бывшем Советском Союзе, – пояснил он.

– Вы хорошо говорите по-английски, – сказала врач, – а я думала, что вы американец. Даже нет, я думала, что вы из Канады. Только там говорят на хорошем английском без акцента.

– Спасибо. Но мне действительно делали обе прививки. Кажется, даже остались следы на левой руке.

– Я знаю, – сказала врач, – сразу можно отличить бывших граждан Советского Союза. У них у всех были свои отметки от прививок на левой руке. В вашей бывшей стране вакцинация была на очень хорошем уровне. Если вам действительно делали прививки от туберкулеза и полиомиелита, то их вам делать не нужно. Но от малярии и гепатита прививку мы все равно сделаем. В некоторых районах Кении каждый второй до сих пор болеет либо малярией, либо гепатитом. И учтите, что там есть еще дизентерия и очаги обитания мухи цеце. Вам ни в коем случае нельзя пить сырую воду. Нужно быть осторожнее.

– Может, мне вообще туда не ехать? – пошутил он.

– Я так не говорила. Сделайте еще два укола и отправляй-

тесь в Кению. Хотя на вашем месте я бы воздержалась, если поездка не так обязательна, – улыбнулась врач.

– Я не заболею гепатитом, – хмыкнул Дронго. – Значит, остается только один укол – от малярии.

– Почему не заболеете? Вам уже делали эти прививки? Тоже в детстве?

– Увы, нет. Я успел дважды переболеть этой подлой болезнью, – пояснил Дронго.

– Вы шутите? Дважды не бывает. После первого раза у человека появляется иммунитет к гепатиту.

– А я болел дважды, – вздохнул он, – в детстве и в молодости. Но, к счастью, иммунитет получил, а печень не загубил. И поэтому не сижу на диете.

– Не может быть, – удивилась она. – Вы проверяете свою печень?

– Достаточно часто. Но я не пью и не курю. Всегда вел нормальный образ жизни и, наверное, поэтому избежал всяческих осложнений.

– Поздравляю. Тогда сделаем только один укол от малярии.

– Делайте ваш укол, – согласился Дронго. – Надеюсь, что ничего плохого со мной не случится.

Укол был болезненным. Его сделали под лопатку, и в течение трех или четырех дней у Дронго все время держалась повышенная температура. Но постепенно она спала, и он почувствовал себя гораздо лучше. В назначенный день эксперт

уже был в пятом, недавно открытом терминале аэропорта «Хитроу», откуда улетали самолеты в Кейптаун.

В салоне первого класса его ждал Энцо Бинколетто, одетый в белый костюм и голубую рубашку, которая была растегнута почти до пояса. Увидев входившего Дронго, он радостно поднял обе руки.

– Добрый день, уважаемый господин эксперт! Как я рад, что вы согласились со мной поехать!.. Обещаю вам, что вы не пожалеете.

– Не сомневаюсь, – кивнул Дронго, усаживаясь рядом со своим пожилым другом, – хотя уже получил укол в спину. Хорошо еще, что в детстве мне успели сделать две прививки от этих коварных болезней, которые встречаются в Кении...

– Глупые предрассудки, – нахмурился Бинколетто. – Иностранцы до сих пор не избавились от страхов шестидесятых годов, хотя прошло уже больше полувека. Сейчас там гораздо лучше налажен учет больных, есть хорошие больницы и квалифицированные врачи, а эпидемии уже давно побеждены. Посмотрите на меня. Я старше вас почти на четверть века, но каждый год провожу в Кении и до сих пор ничем не заболел.

– И не делали никаких уколов?

– В первый год сделал, – признался Бинколетто. – Меня тоже напугали, сказав, что это обязательное условие моей поездки в Кению. Но вот уже шесть лет я езжу туда, и со мной ничего плохого не происходит.

– Это потому, что достаточно один раз сделать эти прививки, и они будут действовать всю жизнь, – улыбнулся Дронго.

– Ну, значит, на мою жизнь их хватит, – весело заявил Бинколетто, – хотя бы еще лет на десять-пятнадцать. Как вы считаете, у меня есть такие шансы?

– Безусловно. Вы замечательно выглядите.

– Я бы выглядел еще лучше, если бы моя жена была рядом со мной, – вздохнул Энцо. – Все получилось так глупо... Никто даже не мог подумать, что она так быстро угаснет. Буквально за несколько месяцев. Никогда себе не прощу...

Он не успел закончить фразу, когда в салон вошла молодая женщина лет тридцати пяти. Элегантный светлый костюм, юбка чуть ниже колен, собранные в узел черные волосы, выразительное лицо с немного раскосыми глазами, высокие скулы... Впечатление не портил даже запоминающийся нос с горбинкой. Он даже придавал ей своеобразный шарм. Женщина подошла к Бинколетто и, наклонившись, что-то тихо произнесла.

– Хорошо, – кивнул тот. – Кстати, познакомьтесь. Это господин эксперт, о котором я тебе столько рассказывал. У него необычная кличка, смысл которой я до сих пор точно не понимаю... В общем, он называет себя Дронго, и так его называют во всем мире. А это Джина Ролланди, моя помощница, которая поедет с нами в Кейптаун и будет следить за моей диетой и моим состоянием. Иначе моя старшая дочь не со-

глашается отпускать меня на охоту ни под каким предлогом. Можно сказать, что синьора Ролланди больше работает на мою дочь, чем на меня. Такой официально приставленный шпион, – не без нотки горечи пошутил Бинколетто.

Женщина кивнула Дронго и отошла к соседнему дивану, где села, закинув ногу на ногу и взяв со столика журнал, который принялась просматривать. Через двадцать минут объявили посадку, и они втроем быстрым шагом двинулись к выходу, чтобы не опоздать на свой рейс.

В салоне самолета Джина устроилась во втором ряду, прямо за креслом своего босса. Очевидно, они заранее заказали себе билеты именно в таком порядке. Дронго оказался во втором ряду рядом с ней. В первом ряду, кроме самого синьора Бинколетто, оказалось место для пожилого афроамериканца, к которому его помощники обращались почтительно, называя его «господин министр».

В 777-м «Боинге», который отправлялся в Кейптаун, было двенадцать кресел в салоне первого класса. При этом в первом ряду разместилась еще пожилая семейная пара – очевидно, американцы, отправляющиеся в Кейптаун из Лондона. А во втором ряду, кроме Джины и Дронго, была еще японская пара, сидевшая у окна. Таким образом, на двенадцать мест было только восемь пассажиров.

Самолет, стремительно набирая высоту, легко поднялся в небо. Дронго закрыл глаза. В таких больших самолетах обычно трясло меньше других, хотя иногда доставалось и та-

ким гигантам. Он хорошо разбирался во всех типах самолетов и знал, что среди семейства «Боингов» есть семьсот сорок седьмой с верхним этажом, а среди «Аэробусов» появился трехсотвосемьдесятый – настоящий гигант, самый большой пассажирский самолет в мире.

Джина что-то рисовала в своем блокноте, когда Дронго поднялся, чтобы умыться. Самолет уже повернул на юг, набирая скорость, на табло исчезла надпись с просьбой пристегнуть ремни. Эксперт сполоснул лицо и вернулся обратно. Проходя мимо Джини Ролланди, он взглянул на блокнот и улыбнулся. Затем уселся на свое место. Джина посмотрела на него.

– Вы действительно известный специалист в вопросах преступности? – спросила она по-английски.

– Не знаю, насколько известный, но действительно специалист.

– Синьор Бинколетто говорил, что вы очень интересный человек, – неожиданно произнесла Джина. – Он рассказывал мне, что вы можете с одного взгляда определить характер и возможности человека, даже рассказать о его профессии и привычках. Этаким современный тип всевидящего и всезнающего аналитика.

– Он слишком хорошо ко мне относится, – пожал плечами Дронго.

– Это неправда? – удивилась она.

– Не до такой степени, как обо мне говорят другие люди.

– Странно, – заметила Джина, – я читала в Интернете, что вы достаточно успешный и очень известный эксперт. Там перечислялись ваши различные заслуги.

– В Интернете всегда преувеличивают. Им нельзя верить, – возразил Дронго.

– И вы действительно ничего не можете определить вот так, с ходу? – поинтересовалась Джина. – Или можете? Когда вы проходили мимо меня, вы посмотрели на мой рисунок и улыбнулись. Я могу узнать, что именно вас так развеселило?

– Извините, я не хотел вас обидеть. Просто обратил внимание на ваш рисунок. Он достаточно четко характеризует вас, как человека.

– Неужели? – Она посмотрела на рисунок. – Странно, но мне казалось, что он вообще ничего не значит. Интересно, что вы там увидели? Можете рассказать?

– Дайте ваш рисунок, – попросил Дронго.

Она протянула ему свой блокнот.

– Вы нарисовали человека, голова которого повернута вправо, – начал эксперт. – Это очень характерный признак для людей, склонных к решительным, активным действиям. Замечу, что если бы на вашем рисунке голова была повернута влево, то это означало бы склонность к рефлексии и глубокомысленным размышлениям. А если бы голова смотрела на нас, то есть изображена анфас, это было бы характерным признаком эгоцентризма.

– И все? – явно разочарованно спросила Джина.

– Нет, не все. На вашем рисунке у мужчины, которого вы нарисовали, чуть приоткрыт рот, но вы не нарисовали ни зубов, что означало бы агрессию, ни языка, что могло свидетельствовать о болтливости. А вот приоткрытый рот психологи обычно считают свидетельством страхов и недоверия, которые могут присутствовать в человеке. Причем его опасения связаны с окружающими этого господина людьми, в том числе и с вами. Однако в сочетании с повернутой направо головой это говорит о возможном беспокойстве за судьбу одного известного вам мужчины.

– Что еще? – спросила она, чуть нахмурившись.

– Сам рисунок вы поместили на левой стороне листа, – продолжал Дронго. – Если рисунок расположен таким образом, это означает воспоминания о прошлом, а если на правой стороне – то мысли о будущем. Далее, у нарисованного на вашем рисунке мужчины нет ног, а это уже явный признак скрытности. И тонкие, довольно слабые руки. А это признак вашего беспокойства, неопределенности в отношениях с этим персонажем...

– Хватит, – попросила она. – Кто вам рассказал обо мне? Только не говорите, что вы узнали все это, читая мой рисунок.

– Я вас не обманываю. Я действительно говорю вам то, что вижу.

– И вы ничего не знали обо мне до сегодняшнего дня? – удивилась Джина.

– Ничего. Честное слово. Мы же не встречались в доме синьора Бинколетто, хотя я был у него раз пять или шесть.

– Я работаю с ним только полгода, – призналась Джина.

– Примерно так я и думал. И вы, похоже, впервые летите с ним в Кению. А еще вы подвели внизу черту, как бы символизировав этим штрихом землю, хотя мужчина нарисован без ног. Это очень характерный признак незащищенности. А с другой стороны, подсознательно вы пытаетесь подвести итог вашим прежним отношениям.

– Верните блокнот, – неожиданно попросила она, словно чего-то испугавшись. – Достаточно. Вы смогли меня удивить, но я думаю, что на этом нам лучше остановиться.

Он вернул ей блокнот, заметив:

– Похоже, вам не понравились мои выводы...

– А разве они могли понравиться? – спросила Джина. – Вам не кажется, что вы слишком много узнали по одному маленькому, торопливому рисунку в блокноте? Или я все-таки должна поверить, что вы действительно смогли все узнать по этому рисунку?

– Вы все еще не верите, – понял Дронго.

– Предположим, что вы меня убедили, – кивнула Джина, – по рисунку вам удалось понять некоторые психологические свойства характера, которые я подсознательно отметила на этом листочке. И кое-что о моих прежних отношениях с моим прежним мужчиной. Но это всего лишь знание предмета, а не наблюдательность...

– Вы хотите, чтобы я продолжил? – улыбнулся он.

– Да, – с вызовом предложила она. – Интересно, что еще можно обо мне сказать?

– У вас тонкий язык, – продолжил Дронго, – значит, есть проблемы с обменом веществ или, скорее всего, с кровеносной системой. Кроме того, на локтях у вас заметны участки сухой кожи, а это знак общего снижения иммунитета. Очевидно, вы недавно переболели – возможно, как раз полгода назад, перед тем как поступить на работу к синьору Бинколетто. Вы одеты слишком стильно и дорого для обычного помощника, не говоря уже о ваших дорогих часах, на которые я сразу обратил внимание. Они стоят никак не меньше двадцати тысяч евро. Отсюда вывод: вы раньше работали на другой, гораздо более высокооплачиваемой работе, но примерно полгода назад, после возможной болезни, связанной с вашим душевным состоянием, решили кардинально изменить свою прежнюю жизнь и согласились поработать помощницей у синьора Бинколетто. Я обратил внимание на журнал, который вы взяли для чтения. Там обычно публикуют курсовые ведомости. Странно, что обычный помощник интересуется именно таким журналом. Но ваш босс сказал мне, что его приставила к вам его старшая дочь. А вы достаточно молоды, красивы и не замужем. Отсюда другой вывод: она не могла найти вас по объявлению или рекомендации. Вы, очевидно, давно знакомы с ней и довольно хорошо знаете друг друга, если она может спокойно рекомендовать вас на такую

работу к одинокому вдовцу – своему отцу.

– А как вы узнали, что я не замужем? – прикусила губу Джина.

– Какой муж надолго отпустит такую красивую женщину с другим мужчиной? – пошутил Дронго. – Но если серьезно, то понятно, что ваша семья не дала бы вам возможности отправиться в подобную поездку, которая может занять несколько недель, а то и затянуться до трех месяцев. Вы разорвали отношения со своим прежним другом, что было понятно по вашему рисунку, и решили сменить обстановку. Однако ваша подруга, старшая дочь синьора Бинколетто, возможно, посчитала, что лично для вас наилучшим выходом будет куда-нибудь уехать на несколько месяцев. Думаю, что после возвращения из Африки вы снова поменяете работу. Хотя это необязательно.

– Это вам сказал синьор Бинколетто?

– Нельзя быть такой недоверчивой, – вздохнул Дронго.

– Или вы с ней разговаривали? – все еще не верила Джина.

– Я видел ее только два раза в жизни, и, конечно, мы не разговаривали о вас, – ответил Дронго.

– Теперь мне все понятно, – когда она улыбалась, она невольно демонстрировала собеседнику красивые ровные белые зубы, – вы действительно тот самый эксперт, о котором так много пишут в Интернете. Теперь в вашем присутствии я не буду больше ничего рисовать. Хотя полностью закрыться от вас все равно не получится. Вы ведь обращаете

внимание даже на мою кожу...

Они улыбнулись друг другу. Стюардесса начала разносить напитки. Дронго попросил дать ему яблочный сок, она выбрала апельсиновый. Самолет летел над территорией Франции.

Глава 2

Над Сахарой их начало трясти сильнее. Дронго нахмурился. Когда самолет начинало трясти, у него портилось настроение. Уже пообедавший Бинколетто обернулся к Дронго.

– Вы говорили, что плохо переносите долгие перелеты, – вспомнил он.

– Я вообще плохо переношу перелеты, – ответил Дронго. Энцо поднялся и подошел к нему, усаживаясь рядом.

– Вы разрешите?

– Конечно, – кивнул Дронго.

– Может, закажем коньяк?

– Мне кажется, это единственное средство от турбулентности, – согласился эксперт, вызывая стюардессу и попросив принести им коньяку.

Вскоре она принесла им два глубоких бокала. Мужчины отхлебнули по маленькому глоточку. Бинколетто удовлетворенно кивнул. В салонах первого класса давали хороший французский коньяк.

– Вы плохо себя чувствуете? – спросила сидевшая справа Джина.

– Не люблю самолеты, – признался Дронго.

– Плохо переносите замкнутое пространство? Или это какая-то фобия? Боязнь высоты?

– Да нет. Просто боязнь полетов, – честно ответил он.

– Странно. Мне казалось, что человек с вашей профессией ничего не боится.

– У каждого из нас свои комплексы.

– Да, да. И каждого они мучают по-своему, – философски протянула Джина, встала и вышла в другой салон.

– Я вижу, вы уже познакомились с моей помощницей, – одобрительно кивнул Бинколетто. – Я вам не успел сказать, что она довольно давно знает мою старшую дочь. Лет пять или даже больше. Джина работала в инвестиционном агентстве и была связана с компанией мужа моей старшей дочери. Но в прошлом году она ушла оттуда и несколько месяцев не работала. Была какая-то неприятная история с ее другом... А потом моя дочь решила, что Джина будет идеальным помощником для меня. Мы уже были с ней в Америке и в Австралии. Должен сказать, что она действительно образцовый помощник – все помнит и никогда ничего не забывает. Я даже иногда удивляюсь, что с такими талантами Джина согласилась работать у меня за такую зарплату. Она заслуживает гораздо большего.

– Вы считаете, что она будет работать у вас недолго?

– Убежден. Уйдет сразу после того, как мы вернемся из Африки. Кстати, она мне уже намекала на это. Но пока Джина работает со мной, и меня это вполне устраивает.

– Ваши друзья будут ждать нас в Кейптауне? – сменил тему разговора Дронго.

– Нет. В Кейптауне у меня будет встреча с моим амери-

канским другом, а затем мы полетим в Сан-Сити, где нас будут ждать наши русские друзья.

– Они отдыхают в Сан-Сити, – понял Дронго.

– Конечно. Где еще могут отдыхать богатые русские люди? – улыбнулся Бинколетто. – Кстати, Стригун отличный охотник. Я это точно знаю. В прошлом году мы вместе охотились в Сибири. Я тогда поехал туда по их приглашению.

– Между прочим, они не все русские, – пояснил Дронго. – Судя по фамилиям, Стригун, наверное, украинец, а Араксманян – армянин.

– Да, я знаю эти отличия. Господин Вермишев, например, мариец. Оказывается, в России есть такая нация, как марийцы. Но мы в Европе всех привычно называем русскими. До сих пор, хотя в бывшем Советском Союзе было пятнадцать республик. Не говорю уж о нациях, живущих собственно в России. Я даже был свидетелем, как одного литовского офицера, прибывшего по линии НАТО, тоже называли в Риме русским, – улыбнулся Бинколетто. – Хотя с прибалтами европейцы, кажется, уже разобрались. С остальными гораздо сложнее. Например, в Кении проживают различные народы, о которых европейцы не имеют ни малейшего понятия. К группе банту, которая составляет основной косяк кенийцев, относятся народы какуйю, балухья и акамба. А еще там живут народы нанди, кипсигис, маракает, ну и, наконец, масаи. Самые лучшие охотники на земле. Вы думаете, кто-нибудь из европейцев может отличить их друг от друга?

– Полагаю, что нет, – согласился Дронго. – Это вообще интересная проблема. Даже живущие в Москве русские не могут отличить народы Кавказа друг от друга. Для них они все «кавказцы», все на одно лицо, – тогда как там есть азербайджанцы, армяне, грузины, осетины, чеченцы, ингуши, лезгины и множество других народов, представители которых очень сильно отличаются друг от друга. При этом сами кавказцы почти всегда знают, кто и к какому народу принадлежит. Но если поставить перед ними пять представителей Европы, они не отличат шведа от испанца, поляка от грека или англичанина от итальянца. Для неподготовленного человека все азиаты на одно лицо – с узкими глазами и вогнутыми лицами. Все темнокожие тоже на одно лицо, хотя и тех, и других уже в мире гораздо больше, чем так называемых белых людей.

– Нас становится слишком много на этой планете, – согласился Бинколетто, – хотя иногда кажется, что, наоборот, слишком мало. Благодаря мобильным телефонам, Интернету и самолетам мир стал очень небольшим, в любую точку которого можно добраться в течение одних суток... Вы бывали раньше в Южно-Африканской Республике?

– Один раз и очень давно, – признался Дронго. – Насколько я помню, тогда там был еще режим апартеида. Я был в Кейптауне только полтора дня. Типично полицейское государство, когда опасно было выходить из белых кварталов. Говорят, что с тех пор многое изменилось.

– И не всегда в лучшую сторону, – вздохнул Бинколетто, – хотя вы сами все увидите. Страна стала совсем другой... Кстати, там нас встретит господин Фостер, мой давний знакомый, который был женат на родственнице моей супруги.

– Они развелись?

– Еще двадцать лет назад, – кивнул Бинколетто. – Стивен Фостер – один из самых жизнерадостных людей, которых я знаю. Всегда неунывающий, веселый человек. Уже почти тридцать лет живет в Кейптауне. Переехал туда еще в начале восьмидесятых, когда ему предложили работу в филиале их компании. С тех пор дважды успел жениться и дважды развестись.

– Он тоже ездит с вами на охоту?

– Даже если он захочет, то мы его все равно не возьмем.

– Почему?

– На любой рыбалке он не дает нам тихо посидеть, без умолку рассказывая свои анекдоты. А на охоте отвлекает всех охотников. В общем, он явно не годится в нашу компанию.

– А с остальными вы уже охотились?

– В прошлом году. Они пригласили тогда нас в Сибирь на охоту на уссурийского тигра. Можете себе представить? В мире осталось так мало особей этого вида, но они смогли где-то достать лицензию, и мы поехали туда.

– Вы были не один?

– Нет. Со мной был мой хороший знакомый, банкир из

Дюриха Поль Бретти. И должен сказать, что ему повезло больше всех, хотя он охотился первый раз в жизни. Именно он двумя точными выстрелами убил тигра. Кстати, он тоже прибывает в Найроби, мы с ним уже договорились.

– В Сибири вы были все вместе?

– Разумеется. Все вшестером.

– Почему вшестером? Ведь их трое? Или переводчик тоже был с вами?

– Конечно, был. Хотя Араксманян неплохо говорит по-французски, Стригун знает английский, а Ишлинский немного понимает оба языка. Ну а наш переводчик знает английский и итальянский, поэтому особых проблем у нас не было.

Самолет сильно качнуло. Дронго поморщился.

– Кажется, нужно выпить еще немного коньяка, – предложил он.

– Может, виски? – предложил Бинколетто.

– Я вообще не пью виски, – признался Дронго. – Пусть лучше принесут коньяку.

– А я возьму виски, – решил Энцо.

Стюардесса почти мгновенно выполнила их пожелание.

– Скоро турбулентность прекратится, – пообещала она.

– Надеюсь, – пробормотал Дронго и, когда она отошла, спросил: – А почему они едут не с женами? Напряженные отношения в семьях?

– Думаю, что нет, – улыбнулся Бинколетто. – Просто

обычно они берут с собой своих подруг. Согласитесь, что отправляться в такую поездку с женой не совсем удобно.

– Можно было вообще не брать с собой женщин, – заметил Дронго.

– Экзотика, – пояснил его друг. – Они уже успели посмотреть марокканские города, тунисские развалины и египетские пляжи. Сейчас многие переключились на более экзотичные Южную Африку и Кению. Поэтому они и прилетели сюда.

– Тогда, конечно. А кто станет опекать дам, пока мужчины будут на охоте?

– Джина, конечно. Я уже все ей объяснил. У меня там довольно интересно. Есть черепахи, очень красивые попугаи и несколько лошадей. Я думаю, дамам будет интересно. Кроме того, они могут всегда отправиться в Найроби и походить по магазинам. Там достаточно много весьма интересных магазинчиков с местными сувенирами. Кения сегодня – одна из самых цивилизованных стран в Центральной Африке.

– Там я еще не был, – признался Дронго.

– Тогда вам тем более будет интересно.

– Именно поэтому я и согласился отправиться с вами на эту охоту. Надеюсь, что мы не нанесем особого вреда местной фауне?

– Нет, – улыбнулся Энцо, – я обычно уважаю законы. Мы будем охотиться только там, где нам разрешат, и только имея лицензии на охоту. Иначе я бы не стал никого приглашать.

– Кроме львов, там должны быть и другие хищники.

– Животный мир в Кении один из самых разнообразных и богатых в Африке, – сообщил Бинколетто, – хотя в прошлом веке его безжалостно истребляли, в том числе и охотники, прибывающие на эти забавы. Кроме львов, там водятся леопарды и гепарды, а также слоны, носороги, буйволы, антилопы, зебры, жирафы, страусы, целые стаи различных видов обезьян. Если бы люди вели себя достаточно разумно, то это был бы настоящий рай не только для охотников, но и для всех любителей природы. Но зверей безжалостно отстреливали.

– Это говорит человек, который любит охоту?

– Именно так. Профессиональные охотники не бывают браконьерами. Мы любим природу, ценим каждое дерево, каждое живое существо. Охота – всего лишь забава, игра, в которую мы так охотно играем. Но мы не убиваем животных ради самого убийства или продажи их шкур, рогов, когтей или перьев на африканских рынках.

– Вы считаете, что убийство ради забавы кого-то оправдывает?

– Мы получаем лицензии и ведем отстрел только тех животных, на которых нам разрешили охотиться. И это принципиальная разница между профессиональными охотниками и браконьерами. Разве можно считать, что рыбаки не любят реки и рыбу только потому, что они ловят эту рыбу на удочку? Кстати, многие потом эту рыбу отпускают обратно.

– Охотники тоже отпускают свои жертвы?

– Нет. Но в нашем случае все происходит достаточно честно. Мы идем на опасных хищников, понимая, что можем промахнуться и проиграть. И тогда наши шансы становятся равными... Между прочим, турбулентность уже прошла.

– Я заметил, – кивнул Дронго. – Думаю, вы не обидитесь, если я скажу, что вы все равно меня не убедили. Но я понимаю, что людей, для которых охота стала настоящим удовольствием, трудно убедить в обратном.

– Это верно, – согласно покачал головой Бинколетто. – Кстати, учтите, что там нам придется быть максимально осторожными. Львы в тех местах редко бродят в одиночку, если это не изгнанный здесь. Они обычно ходят прайдами по пять-шесть особей, среди которых самыми опасными бывают львицы.

– Постараюсь запомнить ваши слова, – ответил Дронго.

– Еще лететь около трех часов, – взглянул на часы Энцо. – Вернусь на свое место и постараюсь уснуть. В моем возрасте после такой порции виски нужно немного отдохнуть. Я обычно не смешиваю коньяк с виски, но первую порцию выпил за компанию с вами.

– Спасибо. Ценю вашу солидарность.

Бинколетто поднялся и вернулся на свое место, откидывая спинку кресла и доставая подушку с одеялом. Дронго взглянул на сидевшую рядом Джину.

– Вы не спите? – спросил он.

– Нет, – ответила она, – не могу спать в самолетах. Такое неприятное ощущение, что рядом много людей, которые могут меня увидеть во сне...

– А я просто не сплю, – признался он, – даже если очень хочу спать. Признаюсь, я слишком некомфортно чувствую себя в воздухе.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, все-таки аэрофобия, хотя я летаю довольно много. Просто подсознательно нервничаю, понимая, что если здесь что-нибудь произойдет, то я не смогу ничего изменить ни за счет своего ума, ни за счет своего характера. А это всегда немного обидно – сознавать, что не все зависит от тебя.

– Наверно, – она кивнула. – А вы действительно сами вычислили мое состояние или вам все-таки подсказали?

– Конечно, вычислил. Мне только сейчас Энцо сообщил, что его старшая дочь давно с вами знакома и вы раньше работали в какой-то инвестиционной компании. Как видите, я максимально откровенен с вами. Только сейчас...

– Да, я действительно там работала. А мой бывший друг работал в банке. В достаточно известном итальянском банке. И иногда узнавал от меня некоторые подробности моей работы. А позже выяснилось, что он использовал мою конфиденциальную информацию в интересах собственной конторы. Разумеется, все это довольно быстро выяснилось. Он получил восемь лет тюрьмы, а меня оправдали, но судья вы-

нес решение о запрете работать в инвестиционных компаниях в течение трех лет. Вот такое наказание...

– Поэтому вы ушли с работы, – понял Дронго.

– Конечно. Я и сама ушла бы после случившегося скандала. Рим – достаточно небольшой город, здесь все друг друга знают. Это не Лондон и не Нью-Йорк, где таких компаний сотни. Поэтому мы с дочерью синьора Бинколетто решили, что будет правильным, если я пока поработаю его помощницей. Поэтому я была так удивлена, когда вы все столь подробно описали. Никогда бы не поверила, что подобное вообще возможно. Вы слишком наблюдательны, господин эксперт. Это, наверное, вам сильно мешает в отношениях с людьми, особенно с женщинами.

– Почему?

– Когда знаешь ответы на многие вопросы, становится скучно общаться с человеком. Если вы читаете людей как открытую книгу, можете правильно распознавать их характеры, знать точные причины их поступков, то находящийся рядом человек не сможет вам солгать, не сумеет даже попытаться что-то от вас скрыть. Это может утомить и вас, и эту женщину. Интересно было бы поговорить с вашей женой. Я слышала, что она итальянка? Во всяком случае, так написано в Интернете. Но там оговорено, что эти сведения неточные. Вы хорошо говорите по-итальянски?

– Если там написано про жену, то, значит, я немного понимаю ваш язык, – улыбнулся Дронго.

– Давайте перейдем на итальянский, – предложила она. – Значит, в Интернете написали правду? И несчастная женщина рядом с вами должна чувствовать себя подопытным кроликом...

– Она итальянка, – подтвердил Дронго, – но в моем случае вы ошибаетесь. Просто я нашел такую женщину, которая никогда меня не обманывает.

– Разве такое бывает?

– Иногда бывает.

– Сейчас другие времена. Ни за кого нельзя поручиться.

– Это не мой случай.

– В таком случае у меня другой вопрос. Извините, если он вам покажется бестактным. А вы сами тоже никогда ничего от нее не скрываете?

– Не уверен, – пробормотал Дронго. – У меня такая профессия...

– Это я понимаю. Но я спрашивала не о профессии. О ваших отношениях с другими женщинами?

– Я стараюсь ее не огорчать, – попытался он найти приемлемую форму ответа.

– Что это значит? Вы однолюб или сознательно лжете, когда возвращаетесь к ней? – Она брала реванш за его разоблачения с рисунком и, кажется, получала от этого некоторое удовольствие.

– Я однолюб, – весело признался Дронго.

– В отличие от вас я не мастер психологических фоку-

сов, – сказала Джина, – но почти уверена, что сейчас вы сказали неправду.

– Тогда считайте, что я не совсем идеальный мужчина, – сознался он, – иногда позволяю себе увлечься.

– И скрываете эти увлечения от своей супруги, – удовлетворенно констатировала Джина.

– Стараюсь не слишком увлекаться, – снова попытался найти разумную форму ответа Дронго.

– Мне иногда кажется, что все мужчины одинаковы, особенно ваши единоверцы, – несколько разочарованно сказала она. – А так хочется поверить в мужской идеал...

– Мы биологически разные типы, – возразил Дронго. – Считается, что женщина может по-настоящему влюбиться один или два раза в своей жизни. Мужчина может влюбиться три или четыре раза. Вот поэтому и случаются подобные диспропорции. Кроме того, я мусульманин, а значит, имею право на четырех женщин. И еще столько наложниц, сколько смогу содержать, – теперь он откровенно улыбался.

– Мы летим уже третий час и еще примерно час сидели перед вылетом в салоне первого класса, – сказала Джина. – Что-то я не заметила, чтобы вы молились... Или правоверные не должны молиться пять раз в день?

– Вы знаете об этом? Откуда? – Теперь настало время удивляться Дронго.

– Можете догадаться сами, – предложила она.

– Вы могли об этом прочесть, – вслух рассуждал он, – но

тогда в вашем голосе не было бы столько горького сарказма, когда вы говорили о «правоверных, которые молятся пять раз в день». Вы узнали об этом от конкретного человека. А за минуту до этого вы сказали, что хотите поверить в мужской идеал, но разочарованы в моих единоверцах. Все понятно. Ваш бывший друг, который работал в банке, был мусульманином?

– Арабом, – горько усмехнулась она, – он был арабом по матери и итальянцем по отцу. Но принял религию матери. С отцом она давно развелась, и он вырос у брата матери. Вы опять оказались правы.

– Между прочим, у синьора Энцо Бинколетто бабушка была арабкой из Алжира. Хотя тогда Алжир еще был французской заморской территорией...

– Я знаю. Это не мешает ему быть порядочным человеком.

– Ваша последняя фраза только подчеркивает ваше прежнее разочарование в бывшем друге.

– А разве вы еще не поняли, насколько сильно он меня разочаровал?

– Понял, конечно. Но если вы все время будете о нем думать, то испортите себе жизнь. А это просто неразумно.

– Спасибо. Учту ваши пожелания. Кстати, последний вопрос. Только откровенно. Неужели, найдя столько насильников и убийц и настолько разбираясь в человеческой природе, вы все еще остались верующим человеком?

– Конечно, – убежденно ответил Дронго, – ведь я дей-

ствую не один.

– Я вас не поняла.

Эксперт показал на потолок самолета.

– Чем больше я сталкиваюсь с человеческим бесстыдством, тем больше убеждаюсь в существовании Бога, – пояснил он, – хотя по своим взглядам я убежденный агностик¹. Но уже много раз в своей жизни получал убедительные подтверждения, что в этом мире все еще существует справедливость и за добро следует драться. И в таких случаях я невольно становлюсь верующим человеком.

¹ *Агностик* – человек, считающий невозможным познание истины в вопросах существования богов, вечной жизни и сверхъестественных существ, понятий и явлений, но не исключающий принципиально возможности существования божественных сущностей.

Глава 3

В аэропорту их встречал Стивен Фостер. Ему было под шестьдесят. Среднего роста, плотный, коренастый, загорелый, с копной рыжих волос, торчащих во все стороны, в серых брюках и рубашке цвета хаки, он увидел их еще на выходе из терминала, где приехавшие получали багаж, и радостно проревел на весь аэропорт:

– Приветствую тебя, Энцо, на африканской земле! Тебя и твоих друзей.

На них невольно обратили внимание многие пассажиры. Некоторые улыбались. Дронго недовольно подумал, что так громогласно его никогда не встречали.

Поклажи было много. Шесть чемоданов, которые прибыли вместе с ними, были размещены на трех тележках, и каждый из них, толкая одну тележку, направился к выходу из терминала.

– Почему Энцо не берет с собой помощников? – недовольно поинтересовался Дронго. – Почему он позволяет вам таскать такие большие чемоданы?

– Его помощник как раз прилетел сюда, чтобы подготовить нашу встречу, – улыбнулась Джина. – А если вы насчет багажа, то можете не беспокоиться. Нам не придется его нести. Я сама разговаривала с синьором Фостером, он отправил в аэропорт микроавтобус со своим водителем, который

заберет весь наш багаж.

– Вы меня успокоили, – кивнул Дронго, – а то я уже подумал, что меня решили использовать в качестве своеобразного носильщика при вашем гараже.

– Идемте, – рассмеявшись, предложила Джина, – кажется, мистер Фостер нас уже встречает.

Фостер пожимал руки прибывшим, обнимая своего друга Бинколетто. Рядом стоял высокий молодой человек лет тридцати. У него была непропорционально небольшая голова на длинном туловище. Одет он был в джинсы и темную рубашку. На руках поблескивали довольно дорогие часы, на которые обратил внимание Дронго. Мужчина поздоровался со своим боссом, пожал руку Джине и представился эксперту:

– Альберто Пастроне. Я помощник синьора Бинколетто.

Вместе с темнокожим водителем они забрали чемоданы, переложив их уже на две тележки, чтобы было легче вывезти из аэропорта. При этом один из чемоданов соскользнул и упал на мраморный пол. Это из-за того, что Пастроне придерживал чемоданы рукой, а темнокожий водитель просто толкал перед собой тележку, причем с явно недовольным видом.

– Осторожнее! – крикнул Бинколетто.

– Ничего страшного, – сказал водитель, поднимая чемодан и положив его обратно, – ничего с вашим багажом не случится.

– Как это не случится? Там оптические приборы, – нервно заметил Энцо.

– Я все понял, – равнодушно сказал водитель, – не беспокойтесь. Мы все погрузим.

Дронго заметил, как пытавшийся что-то сказать Фостер прикусил губу, чтобы не вмешиваться в этот разговор.

– Не болтай, парень, – посоветовал водителю Альберто, – толкай свою тележку, и идем к нашим машинам.

– А я не болтаю, – огрызнулся водитель.

– Позволь представить тебе моего друга Дронго, – сказал Бинколетто, отворачиваясь от них, – это один из лучших экспертов по вопросам преступности.

– Тогда вы прибыли в нужную страну, – невесело усмехнулся Фостер, – наша преступность уже побила все мыслимые рекорды и вскоре попадет в Книгу рекордов Гиннеса. Очень приятно, что вы прилетели. Я всегда рад друзьям Энцо. Здравствуйте, госпожа Ролланди! Вас я тоже рад здесь видеть. Идемте к машинам, я сам отвезу вас в отель.

Компания вышла из здания терминала и направилась к стоянке следом за Альберто и водителем, которые толкали обе тележки с чемоданами. В длинной шеренге автомобилей стояли довольно вместительный микроавтобус «Мерседес» и темно-синий «БМВ».

– Погрузите вещи в автобус, – показал Фостер. – И будь осторожен, Белами, – обратился он к тому самому водителю, который успокаивал его друга Энцо.

Водитель мрачно кивнул, резко разворачивая тележку. Верхний чемодан снова соскользнул и упал на тротуар.

– Что за кретин, – прошипел по-итальянски Бинколетто.

– Тише, – попросил Фостер, – не нужно нервничать. Садитесь в машину. Я сегодня уволю этого сукина сына.

– Ты делаешь это нарочно? – спросил Альберто у водителя. Тот пожал плечами, проигнорировав вопрос.

– Я тебя спрашиваю, – разозлился Пастроне.

Водитель просто махнул рукой, едва не уронив чемодан в третий раз. Он бы его и уронил, если бы чемодан не успел подхватить Альберто, который оттолкнул Белами и сам сложил все вещи в салон микроавтобуса.

– Белами, – позвал своего водителя напряженным голосом Фостер, – подойди ко мне.

Водитель повернулся и медленно, словно делая одолжение, подошел ближе.

– Дай мне ключи, – ровным голосом произнес Фостер, – не нужно с нами ехать. На сегодня ты свободен. За рулем поедет синьор Пастроне.

– Это моя машина, – нагло ухмыльнулся водитель.

– Нет, это моя машина, – было заметно, что Фостер уже с трудом сдерживается. – Давай ключи.

Белами молча смотрел на него, не делая никаких попыток достать ключи.

– Ключи, – рявкнул Фостер.

Белами наконец вытащил из кармана ключи, протягивая

их Стивену Фостеру. Но в последний момент он намеренно разжал руку, и ключи упали на тротуар.

– Чтоб тебе, – выругался Пастроне. – Сейчас я прибую этого мерзавца.

– Спокойно, – посоветовал ему Бинколетто, – не вмешивайся. Стивен сам разберется.

Фостер наклонился, поднял ключи. Выпрямился, посмотрел на своего водителя.

– Ты уволен, – сказал он. – Завтра приедешь в контору получать расчет.

– А профсоюз даст согласие на мое увольнение? – нагло поинтересовался Белами. Он был ниже среднего роста, худощавый, щуплый, и казалось, что сейчас Фостер просто размажет его по асфальту.

– Да. – У Фостера действительно было невероятное терпение. – А сейчас убирайся.

Белами, не прощаясь, повернулся и пошел куда-то в сторону. Фостер тихо выругался, сплюнул и протянул ключи Альберто.

– Извини, что так получилось, – сказал он, – но тебе придется сесть за руль.

– Я готов объехать всю Африку, только бы не видеть лица этого ублюдка, – мрачно ответил Пастроне. – Не беспокойтесь, я буду держаться за вами. Не очень-то хотелось подменить этого гаденыша, но что делать...

Фостер показал на «БМВ», приглашая остальных в свою

машину. Только когда он с силой захлопнул дверцу автомобиля, стало понятно, как сильно он нервничает. Энцо уселся рядом с ним, Дронго и Джина разместились на заднем сиденье.

– Куда мы едем? – спросил Бинколетто.

– В отель «Двенадцать апостолов» на проспекте Виктории, – пояснил Фостер, резко выворачивая руль. Машина с неприятным визгом развернулась, выезжая со стоянки. Микроавтобус тронулся за ними.

– Что здесь происходит? – спросил Энцо. – Почему этот сукин сын так нагло ведет себя?

– Потому что знает, что профсоюз не разрешит его уволить, – сквозь зубы пробормотал Фостер. – У нас сейчас демократическая республика без апартеида, и власть везде захватили черные. Ведь их большинство, и они диктуют нам свои правила игры. Собственно, это началось уже давно, еще в середине девяностых, но при Манделе все было не так явно, как сейчас. Ничего, я найду управу на этого мерзавца. Переведу его в такое место, что он уйдет сам через две недели. Это я ему устрою. Если нельзя его уволить, то можно перевести в такое место, чтобы он взвыл от бешенства. И не буду давать ему машину, это для него самое главное.

– Подожди, – нахмурился Бинколетто, – я не совсем понимаю. Как это нельзя его уволить?

– У них есть свой профсоюз, – объяснил Фостер, – и там только черные. Как только начинается конфликт между бе-

лым и черным, они всегда становятся на сторону черного. Это как закон, который не подлежит обсуждению. Они таким своеобразным образом берут реванш за восемьдесят пять лет апартеида, который царил в нашей стране.

– Похоже, ты оправдываешь поведение этого типа? – спросил Бинколетто. – Тебе не кажется, что и ты ведешь себя неправильно? Можно поехать в профсоюз и объяснить, как нагло он вел себя.

– Они меня не послушают, – вздохнул Фостер. – Ладно, не будем об этом мерзавце. Слишком много чести. Я заказал вам три сьюта с видом на океан. Оттуда такой потрясающий вид из окон, сам все увидишь.

– Спасибо. А когда прилетит Польша?

– Сегодня поздно вечером. Он прилетит из Швейцарии. Утром у вас встреча, а днем полетите в Сан-Сити. Там отдыхают ваши русские друзья. Они уже были в Кейптауне. Из Сан-Сити ты можешь отправиться вместе с ними в Найроби. Специальный самолет для вас уже заказан. Хотя русские сами оплатили его. Я даже не знал, что они уже перевели деньги.

– Они всегда так поступают, – усмехнулся Энцо, – не дают никому платить. Своеобразная черта. Ничего страшного. До отлета можете отдохнуть.

– А сегодня поужинаем на берегу океана, – предложил Фостер. – Я знаю прекрасное место, там подают чудесную рыбу.

– Не сомневаюсь, – согласился Бинколетто, – теперь я узнаю прежнего Стивена. Этот водитель вывел нас из нормального состояния.

– Ничего, – отмахнулся Фостер, – у нас сейчас часто бывают подобные инциденты. Пора привыкать. Наша страна изменилась, и боюсь, что навсегда. А вы, господин Дронго, впервые в нашей стране?

– Второй, – признался эксперт, – но я был здесь очень давно, еще в прошлом веке.

– Тогда вы не узнаете нашу страну, – уверенно произнес Фостер, – здесь произошло много изменений. Хороших и не очень. После чемпионата мира по футболу города, конечно, изменились – построены новые стадионы, отели, рестораны. Но не это главное. Изменилась сама страна, изменились население в городах, уровень преступности, отношение людей к работе... в общем, очень многое. Сами увидите.

Он не успел договорить, как сзади раздался громкий голос офицера полиции, который следовал за ними в своем автомобиле и предложил им остановиться, передав требование по громкоговорителю. Фостер послушно выполнил его команду. Офицер вышел из машины, подошел к ним. Он был темнокожим. Полицейский наклонился к Фостеру и негромко сказал:

– Вы нарушили правила.

– Простите, офицер, – вежливо ответил Фостер, – но я не заметил никакого нарушения.

– Вы превысили скорость, – пояснил офицер.

– Здесь разрешено до восьмидесяти миль, – напомнил Фостер.

– Табличку вчера поменяли. Только семьдесят, – пояснил офицер.

– Простите, но я не знал.

– Вы нарушили, – упрямо повторил темнокожий офицер.

В этот момент мимо них проехал на предельной скорости внедорожник «Ниссан», в котором сидели несколько темнокожих парней.

– Вот видите, – показал в их сторону Фостер, – они явно нарушают правила и тоже не знают, что вы вчера поставили знак, ограничивающий движение.

– Вы недовольны моим решением? – уточнил офицер.

– Конечно, нет. Но я просто хочу обратить ваше внимание, что другие тоже нарушают установленный предел скорости. Многие еще не обращают внимания на новые дорожные указатели.

– Теперь будут знать. А вы должны понимать, что нельзя все время вести себя в этой стране как хозяева. Ваше время уже закончилось.

– Что вы сказали?

– Я выписал вам штраф. До свидания, – офицер протянул Фостеру бумагу и отошел.

– Вот так, – негромко произнес Стивен, – такие у нас теперь порядки.

Они поехали дальше. Микроавтобус следовал за ними.

– Мне не нравятся ваши порядки, – мрачно сказал Энцо, – и я полагаю, что тебе они тоже не очень нравятся.

– Правильно полагаешь, – вздохнул Фостер, – но теперь уже ничего изменить нельзя. А вы, госпожа Ролланди, раньше бывали в нашей стране?

– Нет, я впервые.

– Тогда вам легче. Не так заметны наши изменения, – грустно сказал Фостер.

Отель «Двенадцать апостолов» считался одним из лучших отелей в Кейптауне и находился в тридцати трех километрах от международного аэропорта. Он насчитывал семьдесят номеров, из которых двадцать два были сьюты. Обращенный на запад, окнами на Атлантический океан, отель располагал идеальными полями для игры в гольф. Когда они подъехали к отелю, их уже встречали. Чемоданы подняли в их номера, они договорились встретиться через тридцать минут в холле отеля. Пастроне поднялся в номер Бинколетто, помогая ему открыть чемоданы. Дронго успел принять душ и переодеться в легкий светлый костюм.

В холле отеля Фостер уже разговаривал с неизвестным белым мужчиной среднего роста, с аккуратно подстриженными бородкой и усами. Он представил своего собеседника гостям.

– Это Карл Лютер – генеральный менеджер отеля, – сказал Фостер, – потомок африканеров, один из тех, чьи предки

создавали нашу страну еще в начале прошлого века.

– Очень приятно, – пожал руки своим гостям Лютер, – можете в любой момент обращаться ко мне по любым проблемам. Но у гостей нашего отеля, как правило, особых проблем не бывает. До свидания, мистер Фостер.

Он отошел от них.

– Прекрасный человек, – пояснил Стивен, – живет здесь всю жизнь и не собирается никуда уезжать. Хотя многие наши соседи уже переехали в Америку или Австралию.

– У вас так плохо? – спросила Джина.

– Да уж, хорошего мало... – вздохнул Фостер. – Ладно, поедем в ресторан, он находится в трех километрах к югу.

Пастроне не поехал с ними, пояснив, что отправится в аэропорт встречать прибывающего банкира. Спустившаяся к ужину Джина успела переодеться и теперь была в темно-синем платье с оголенным правым плечом. Дронго знал эти платья под маркой известного итальянского кутюрье.

Они разместились вчетвером в автомобиле Фостера, который подал к выходу один из служащих. Выехав из отеля, Фостер почти сразу показал на побережье:

– Еще двадцать лет назад на здешних берегах любили устраивать рыбалку приехавшие из Европы и Америки туристы. Говорят, что здесь совершенно особые места, и на удочку можно было поймать даже очень крупную рыбу.

– А почему сейчас никого нет? – поинтересовалась Джина.

– Сейчас здесь сидеть одному небезопасно, – пояснил Фостер, – и удочки тоже нельзя оставлять. То и дело тут появляются банды темнокожих подростков из пригородов Кейптауна, которые ломают и воруют удочки и всю остальную снасть. А когда шесть лет назад здесь нашли двоих рыбаков-американцев, которых зарезали и обобрали, сюда просто перестали ездить на рыбалку. Даже заядлые рыбаки не рискуют оставаться на побережье, где в любой момент могут появиться эти банды темнокожей молодежи. Раньше они не совались сюда ни при каких обстоятельствах. Им запрещалось покидать резервации, здесь могли появляться только люди, которые работали в городе. Но у них не было времени ходить и любоваться морем или ловить рыбу. Они зарабатывали себе на хлеб. Черные просто не рисковали здесь появляться, понимая, что могут нарваться на неприятности с полицией. А теперь здесь не могут появляться белые.

– Вам нравятся больше прежние времена? – не поняла Джина.

– Нет. Разумеется, нет. Я всегда был убежденным противником апартеида, – ответил Фостер. – Но когда я вижу сегодняшние времена, они меня тоже категорически не устраивают. Такой своеобразный апартеид наоборот, когда черное большинство угнетает белое меньшинство. И в этом тоже нет ничего хорошего. Просто в политкорректном мире не принято писать о том, что белых угнетают или преследуют. Априори считается, что расистами могут быть только белые ко-

лонизаторы, а черные просто не способны относиться к другим народам с предубеждением. На самом деле как раз черные относятся к другим с еще большим предубеждением, и наша ежедневная действительность только подтверждает самые худшие опасения.

Он свернул на дорогу, ведущую к ресторану. За окном были видны вершины гор, окружавших Кейптаун. Целая горная цепь опоясывала город, и многие вершины поднимались более чем на тысячу метров.

– Раньше поселки Кампс-Бей и Грин-Пойнт считались самым престижным местом, и многие охотно покупали здесь дома, – пояснил Фостер, – но сейчас их, наоборот, продают. С юга, со стороны Хоутбая, сюда все время проникают молодежные банды, случаются поножовщины, убийства, изнасилования. Банды, конечно, состоят из представителей коренного населения. И все насилие направлено против белых обитателей этих поселков. Но здесь пока еще спокойно. В этой части живут в основном китайцы, и они дружно дают отпор всем незванным гостям.

На площадке стояло несколько автомобилей. Рядом дежурили двое охранников, белый и черный. Фостер показал на них и улыбнулся.

– Сейчас так поступают все разумные хозяева. Нанимают сразу двух охранников, чтобы в случае необходимости свой успокаивал своих.

Они вошли в зал небольшого ресторана. К ним поспешил

хозяин, очевидно, китаец. Улыбаясь и кланяясь, он провел гостей к заказанному столику. Нужно отметить, что в это вечернее время ресторан был почти полон. Играла негромкая музыка. За столами находились гости из Европы, Японии, Арабских Эмиратов. Когда они сели, Фостер сделал заказ официанту, сам выбрав нужные блюда.

– Здесь готовят прекрасную рыбу, – еще раз сообщил он.

Почти сразу появились легкие закуски, словно все было приготовлено именно к моменту их появления в этом ресторане. Фостер заказал бутылку местного белого вина.

– У нас очень хорошие вина, – пояснил он, – ничуть не хуже французских.

Вино действительно было отменного качества.

– Значит, вы считаете, что сегодня все гораздо хуже, чем было раньше? – решила уточнить Джина.

– Боюсь, что да, – ответил Стивен. – Понимаете, я здесь уже давно и люблю эту страну, ее природу, ее климат, ее людей. Удивительный край, омываемый сразу двумя океанами. Когда-то мыс Доброй Надежды был тем маяком, до которого доплывали европейские моряки. А уже затем они двинулись отсюда на освоение Индии, Восточной Африки, Азии, Океании. Но перемены, которые произошли в ЮАР за последние двадцать лет, оказались не только кардинальными, но и привели к массовому отъезду белого населения из нашей страны. Если до девяностого года здесь было более двадцати двух процентов белого населения, то сейчас не осталось и поло-

вины. И я почти уверен, что еще лет через двадцать здесь будет еще меньше белых людей.

– Настолько нетерпимы отношения между двумя расами? – уточнил Дронго.

– При Манделе они были еще сносными, – пояснил Фостер. – Политические изменения пытался провести еще Питер Бота в восемьдесят пятом году, когда начал свои либеральные реформы, чтобы немного ослабить режим апартеида. Конечно, он столкнулся с непониманием африканеров, белого населения ЮАР и нашей Национальной партии. Его тогда даже начали называть «африканским Горбачевым». Но попытки реформировать страну были очень тяжелыми. Боту критиковали с обеих сторон. Белые националисты не шли ни на какие уступки, а черное большинство требовало абсолютного равноправия, что, в общем-то, было справедливо. Начались международные санкции против режима апартеида.

И тогда появился Фредерик де Клер, новый президент нашей страны. Можете себе представить, он сам возглавил Национальную партию Трансвааля и стал министром внутренних дел в правительстве Боты. Но это не помешало ему выступить инициатором перемен в нашей стране. Именно он и начал нынешние реформы, приступив к демонтажу системы апартеида, пошел на прямые переговоры с Нельсоном Манделой... Вы бы слышали, что про него писали и говорили, как ему угрожали, как его ненавидели! Но он настаивал на переговорах, даже провел референдум среди белого населе-

ния и сумел добиться положительного для себя результата. Он выпустил Нельсона Манделу из тюрьмы, создал Конгресс за демократическую Южную Африку и на следующий год даже получил вместе с Манделой Нобелевскую премию мира. Тогда все казалось таким благостным... Его действительно считали местным Михаилом Горбачевым.

– Горбачев тоже получил Нобелевскую премию мира, – мрачно напомнил Дронго, – и еще ее получили Арафат вместе с Пересом и Рабином. Иногда мне кажется, что подобные премии нарочно вручают неудачникам в политике, чтобы подсластить их политические поражения. А после того, как эту премию ни за что дали Обаме, который сам был смущен и даже не понимал, за что именно его выбрали, ее авторитет был окончательно подорван.

– Правильно, – согласился Фостер, – у нас тоже ничего не получилось. Уже на следующий год, во время президентских выборов, де Клер потерпел полное поражение и навсегда ушел из политики. А президентом избрали Нельсона Манделу. Ничего другого и нельзя было ожидать, если вспомнить, что у нас в стране больше трех четвертей населения на тот момент были черные. Сейчас их гораздо больше, и понятно, что белый кандидат больше никогда не сможет выиграть подобные выборы. Они просто не станут за него голосовать. Но Мандела был еще не самым худшим президентом. Он призывал к терпимости, настойчиво уговаривал своих соплеменников не мстить белым, хотя его собственная

жена была совсем другого мнения. С ней он тогда развелся. А после его ухода черные поняли, что теперь власть навечно закреплена за ними. Вот тогда все и началось. Погромы и убийства белых фермеров, насилие на улицах, волнения в цветных кварталах... Я уже не вспоминаю о Зимбабве, откуда Мугабе и его клика просто выгнали всех белых. Их сознательно травили, преследовали, убивали, сжигали их дома. Когда там был расистский режим Родезии, против него выступал весь цивилизованный мир, и мировому сообществу удалось убедить режим Яна Смита пойти на переговоры. А когда появился Мугабе, тот просто наплевал на международное мнение, убивая оставшихся белых в своей стране. Сейчас их там почти не осталось. А режим Мугабе даже подвел идеологическую базу под эти погромы, рассказывая об исторической вине белых колонизаторов в отношении коренного африканского населения.

Фостер вздохнул.

– Все это не могло не сказаться на общем социальном климате в нашей стране. Хотя белого населения по-прежнему достаточно много, но уже сейчас понятно, что через двадцать лет здесь никого не будет. Молодежь любыми способами пытается отсюда сбежать. Оставаться в стране, где тебя ненавидят и у тебя нет никаких шансов на продвижение или достойную работу, рискнет не каждый. Когда шла подготовка к чемпионату мира по футболу, белых старались привлекать, используя их опыт организаторской работы. Но после

чемпионата все стало еще хуже. Если раньше черные не могли появляться на центральных улицах многих городов ЮАР, то теперь уже белые не могут себе позволить в одиночку прогуливаться по улицам наших городов, даже в центре. Могут нахамить, оскорбить, ограбить, убить, изнасиловать, демонстрируя свое презрительное отношение к белому населению. Конечно, среди черных тоже есть люди, которые понимают, насколько промышленный, экономический и финансовый потенциал Южной Африки зависит от белого населения. Но иногда мне кажется, что об этом начали забывать, проводя сознательную политику изоляции белых сограждан.

– Неужели все так плохо? – спросил Энцо.

– Еще хуже, чем ты думаешь, – скривился Стивен. – У одних наших белых либералов комплекс вины за колонизаторское прошлое, другие просто отчаялись бороться и уезжают из страны. Эта перестройка, которую затеял де Клер, принесла белому населению только унижения и страдания. Поймите меня правильно. Я категорический противник апартеида, всегда выступал против расовой дискриминации; меня даже дважды арестовывали во времена Боты. Но теперь становится ясным, что многомиллионное черное население Южной Африки, покинувшее свои резервации, оказалось просто не готово ни к демократизации, ни к подлинному равноправию. Рабы, которым не просто дали свободу, а еще и объявили их равными с бывшими хозяевами, начали с того, что стали мстить последним за свою прежнюю жизнь. Что и

следовало ожидать. Наверное, это плата за восемьдесят пять лет неразумной расистской политики, которую проводили наши правительства. Если столько лет не давать им учиться, совершенствоваться, приобщаться к культурным ценностям, не прививать им азы демократии, то мы получим то, что получили. Свобода предполагает ответственность, а ее у нас сегодня как раз нет.

Фостер посмотрел в окно, в которое была видна проходившая яхта. Показал на нее и невесело сказал:

– В прошлом месяце в местном яхт-клубе сожгли сразу четыре судна. Вандалы забрались в клуб и устроили там погром. Они считают, что яхты могут позволить себе только белые нувориши, тогда как половина членов яхт-клуба – их темнокожие собратья. Вот такой социальный протест на фоне наших неприятностей.

– Не нужно о грустном, – предложил Бинколетто, – давай поговорим о чем-нибудь приятном. Я никогда не видел тебя в таком настроении. Мы уже почти два часа общаемся с тобой, а ты не рассказал нам ни одного нового анекдота.

– Действительно, – улыбнулся Фостер, – просто этот Белами на меня так подействовал. Сейчас расскажу...

Никто из четверых сидевших за столом людей не мог даже предположить, что это был последний ужин Стивена Фостера. Никто из них не знал, что завтрашнего утра он уже не увидит.

Глава 4

Они вернулись в отель уже в двенадцатом часу ночи. Сидевший в холле Альберто рассказал им, что прилетевший банкир сразу отправился в свой номер, желая хорошенько отдохнуть.

– Он просил его не беспокоить до утра, – сообщил Альберто, – говорит, что во время полета просматривал бумаги и почти не сомкнул глаз. Хочет отоспаться.

– Я хотел с ним переговорить, – вспомнил Фостер, – но ничего страшного. Поговорим потом.

– Мне он уже позвонил, – согласно кивнул Энцо, – значит, не будем ему мешать. Встретимся утром за завтраком. До встречи. Спокойной ночи! И спасибо тебе, Стивен, за прекрасный ужин.

– Если бы ты остался в Кейптауне еще на несколько дней, я нашел бы еще несколько хороших ресторанов, – пообещал Фостер.

– Мне нельзя переедать, – пояснил Бинколетто, – рядом со мной мой добрый страж синьорита Ролланди. Она тщательно следит за моим меню, иначе у меня снова поднимается уровень сахара в крови, и мне придется делать эти проклятые уколы. А я предпочитаю сидеть на таблетках.

Он повернулся и пошел к кабине лифта. Альберто поспешил за ним. Фостер протянул руку Дронго.

– Я рад был с вами познакомиться, – сказал он, – приезжайте к нам еще. Здесь не так плохо, как вам могло показаться. И я тоже не совсем правильно себя повел – наговорил вам кучу разных страшных вещей... Это из-за моего водителя, который так по-хамски себя повел.

– Ничего, – ответил Дронго, – я о нем уже забыл. А вам успехов и удач, мистер Фостер!

– Спасибо. До свидания, синьорита Ролланди, – повернулся Стивен к Джине, – оставайтесь ангелом-хранителем нашего друга.

– Надеюсь, – улыбнулась она.

Когда Фостер вышел из отеля, она взглянула на Дронго:

– Вы хотите спать?

– Пока нет.

– Может, немного посидим в баре?

– С удовольствием.

Они прошли в бар, где за столиками сидело лишь несколько человек. Джина заказала себе коктейль, Дронго попросил принести ему зеленый чай.

– Вы всегда пьете чай, когда приходите в бар с женщинами? – усмехнулась она.

– Не всегда. Но мы с вами уже пили вино, а сейчас я решил ограничиться чаем. Я вообще не очень дружу со спиртными напитками, – объяснил Дронго.

– А в самолете вы выпили довольно много, – напомнила она, – я видела, как стюардесса носила вам коньяк.

– Это от страха, – пояснил он. – Надеюсь, что с вами мне ничего не угрожает.

– А вы как думаете? – лукаво спросила Джина.

– Господин Фостер наговорил нам столько разных ужасов, что теперь я буду бояться собственной тени, – ответил Дронго.

Она рассмеялась.

– Интересно, что вы думаете о синьоре Фостере? – спросила Джина. – Я могу узнать ваше мнение?

– Конечно. С ним все понятно. Гамма его чувств отражается у него на лице. Жизнерадостный, эмоциональный, коммуникабельный, очень общительный. Умный. Понимает, когда нельзя поддаваться эмоциям, как в случае с увольнением его водителя. Я боялся, что он сорвется, но он молодец, сумел сдержаться. В последнее время стал несколько меланхоличен, но общая жизнерадостность берет свое. Достаточно нетерпелив, не любит медлительных людей. Одна из основных черт его характера – умение сосредотачиваться на главном, отбрасывая различные мелочи. Такой человек не может долго говорить по телефону, ему важно видеть эмоциональный отклик своего собеседника. Он не склонен к длительным объяснениям, предпочитает решать все вопросы достаточно быстро. Достаточно самоуверен, но умеет рассчитывать свои силы. Ему может быть неприятно безразличное отношение к себе со стороны окружающих. Но он всегда может пойти навстречу ближнему. Если бы водитель извинился, он

бы мгновенно его простил. Кажется, ему самому не хотелось увольнять Белами, но он не мог терять свое лицо. В некоторых случаях бывает достаточно упрям. К политике относится нейтрально, но предпочитает иметь собственное мнение по всем вопросам, и не всегда это мнение большинства. Достаточно независим в своих суждениях.

– Более чем исчерпывающий ответ, – согласилась Джина. – Но с ним вы общались весь вечер и могли составить его законченный портрет. К тому же я знаю его не так хорошо, как нашего Альберто. Интересно, что вы можете сказать об Альберто?

– Мы с ним почти не общались, – напомнил Дронго.

– Разве это мешает вам составить его психологический портрет? – усмехнулась Джина.

– Не мешает. Но я могу ошибиться. Мне кажется, что этот человек обычно «себе на уме». Он расчетлив, конкретен, достаточно закрыт. В работе должен быть целеустремленным и очень практичным. Более того, я уверен, что он продумывает каждый свой шаг. Во всяком случае, он шел на достаточном расстоянии от водителя, держась ближе к нам, чтобы подчеркнуть свой статус. Судя по его часам, это подарок либо самого Энцо, либо кого-то из прежних боссов. Но думаю, что такой человек, как ваш Альберто, не стал бы носить часы, которые ему подарил другой шеф. Значит, это подарок Энцо. Тогда получается, что Альберто работает с ним достаточно давно, хотя я его ни разу не видел. Видимо, чаще все-

го он выполняет поручения именно во время путешествий Бинколетто по миру. Альберто любит и умеет зарабатывать деньги, хороший организатор. Очень рационален и практичен. Даже свое резкое недовольство поведением Белами он держал под полным контролем. Сознательно ограничивает себя рамками, за пределы которых не пытается выходить. Такие люди обычно ищут престижную и надежную работу с хорошим заработком. Очевидно, служба у Энцо его полностью устраивает. Из таких, как Альберто, получаются прекрасные менеджеры и руководители среднего звена. И вместе с тем он достаточно самолюбив. Когда Фостер дал ему ключи и Альберто должен был заменить темнокожего водителя, было заметно, как это ему неприятно, хотя он не только не возражал, но и поддержал это решение и сел за руль автомобиля. Но зато за банкиром он поехал уже с большим удовольствием, очевидно, потому, что должен был отправиться в аэропорт на другой машине.

– Bravo, – сказала Джина, – этот анализ за те минуты, которые вы видели Пастроне, по меньшей мере удивляет. Я просто поражена. Вы очень наблюдательный человек.

– Это моя профессия, – пояснил Дронго, – зато ничего большего я делать не умею.

– Вам и не нужно, – убежденно произнесла Джина. – Человек, умеющий так просчитывать характеры людей, может быть одинаково успешен и в бизнесе, и в любом другом деле. Вы никогда не думали уйти в бизнес?

– Боюсь, что я был бы плохим дельцом, – признался Дронго. – Ведь бизнесмен должен уметь рисковать, а я бы не стал доверять человеку, которому изначально не готов поверить. Очевидно, что бизнесмену важны совсем другие качества. Интуиция, везение, умение рисковать, умение торговаться, добиваться своего... Очевидно, что моя интуиция направлена несколько в иное русло. Я уже не говорю о возможности торговаться. Даже на восточных базарах, где просто неприлично не делать этого, мне становится скучно и неудобно. И поэтому я, как правило, соглашаюсь с ценами продавца. И самое главное – я не считаю деньги мерилем успеха в жизни, мерилем счастья. Бизнесменом может стать только тот человек, который искренне убежден в том, что именно деньги являются главным стимулом его работы, и готов рискнуть ради них всем, что у него есть. А я не готов ради денег рисковать своей свободой или своими взглядами, устоявшимся образом жизни. Мне много раз предлагали достаточно крупные гонорары, чтобы я согласился на работу, которая претит моему характеру, моим убеждениям. И тогда я отказывался. Кажется, в Библии сказано: «Что стоит человек, если он завоюет весь мир, но потеряет при этом свою душу?» Вот поэтому я и не хочу терять свою душу.

Джина молчала. Она подняла руку, подзывая официанта и попросив его принести ей еще один коктейль. Дронго попросил еще чашку зеленого чая.

– Бойтесь, что немного выпьете и потеряете контроль над

собой? – ехидно спросила она.

– Нет. Просто мне нравится чай, – ответил он. – А вы встречались раньше с этим швейцарским банкиром?

– Встречалась, – нахмурилась Джина, – очень неприятный тип. Не люблю я таких. Наверное, мне больше нравятся наши мужчины – раскованные, общительные и веселые. А этот спокойный тип, кажется, никогда в жизни не повышал голоса. Очень педантичный, скрупулезный, всегда говорит негромким голосом. Носит очки – кажется, у него плохое зрение. И смотрит на весь мир через эти очки очень недоброжелательно. Видите, я тоже немного могу работать психологом. Хотя до вас мне, конечно, далеко.

Официант принес заказанные коктейль и чай. Джина взяла свой бокал и неожиданно сказала:

– Я рада, что вы решили с нами поехать. Будет не так скучно. Мужчины обычно охотятся и ни о чем, кроме охоты, не могут говорить.

– Там будут еще две женщины, – напомнил Дронго, – кажется, двое гостей прибывают со своими дамами.

– Я их уже один раз видела в Швейцарии, – пояснила Джина. – Этих дамочек волнуют только магазины и счета, которые оплачивают их мужчины. Все остальное им не слишком интересно. Одна из них однажды спросила меня: «Кто такой Вильгельм Телль, о котором все говорят? Он был известным писателем или художником?» Только не смейтесь. Вот такие у нас бывают дамы. Хотя нужно отдать им должное:

они словно сошли с подиумов лучших домов моды. Рядом с ними я чувствовала себя просто неповоротливой и толстой уродиной с неприметной внешностью.

– Не нужно напрашиваться на комплимент. Вы прекрасно выглядите.

– Завтра вы будете говорить иначе, – пообещала она, – когда увидите этих красавиц, которые ждут нас в Сан-Сити. Особенно меня поражают их ноги. Вы не знаете, почему у славянок бывают такие невероятные ноги?

– В смысле – красивые?

– Безупречные, – вздохнула Джина. – Просто смотри и любуйся.

Дронго улыбнулся.

– Чему вы улыбаетесь? – не поняла она.

– У моего отца был многолетний друг, – пояснил эксперт, – довольно известный адвокат в Баку, Николай Арташесович Ереванцев. Он всегда говорил отцу, что он «ножист», так как считает, что самое главное в женщине – это ее безупречные ноги. И он влюблялся именно в эти ноги.

– Интересно, что отвечал ваш отец?

– Смеялся и говорил, что это неправильно. Хотя еще бельгийский писатель Луи Поль Боон однажды заметил, что девяносто девять процентов мужчин на вопрос «что вам более всего нравится в женщине?» сразу ответят, что душа – и тут же посмотрят на ее ноги.

– Значит, ваш отец не был «ножистом»?

– Нет. Он был, как бы это лучше сказать по-итальянски... Он был «мордистом», то есть его привлекала прежде всего красота женского лица. Есть разные вкусы. Кому-то нравятся тяжелые фигуры с мощной филейной частью, кому-то – подтянутые тонкие фигуры, как у подростков, кому-то – длинные красивые волосы. У каждого свой небольшой бзик.

– А что нравится вам? – с вызовом спросила Джина.

– Глаза, – ответил Дронго, – глаза, наполненные смыслом. Пустые глаза при самом идеальном теле делают женщину похожей на надувную куклу, которую продают для робких, застенчивых мужчин или подростков. Собственно, куклу можно сделать по любому размеру и стандарту, с любой внешностью. А вот умные глаза подделать невозможно. Даже не умные, это не совсем правильное слово. В конце концов, даже разговаривая с Марией Кюри или Маргарет Тэтчер, вы будете остро чувствовать собственную ущербность. Я говорю о другом. Интеллект, понимание, сострадание, чувство юмора, наблюдательность, скрытая эмоциональность – все это отражается в глазах. И подделать это практически невозможно. Даже если вы слепой, этот интеллект вы все равно почувствуете.

– Вы странный человек, – в который раз произнесла Джина, – но с вами интересно... – Она посмотрела на часы: – Уже второй час ночи.

– Идемте спать, – предложил Дронго. – Я провожу вас до вашего номера.

Она согласно кивнула. Они поднялись к ней на этаж. Джина открыла дверь своего съюта и обернулась к Дронго.

– Спокойной ночи, – протянула она ему свою узкую ладонь.

– Спокойной ночи, – он поцеловал ей руку. – Не забудьте закрыть дверь изнутри и никому ночью не открывайте. Предупреждения висят во всех номерах.

– Я не пугливая, – улыbnулась она, – и не думаю, что ночью кто-то захочет полезть именно в мой номер. Но все равно спасибо за вашу заботу.

Она вошла в номер, закрывая за собой дверь. Он повернулся и пошел по коридору. Его съют был рядом с номером, который занимал приехавший банкир. Дронго увидел, как дверь открылась и из номера вышел мужчина среднего роста, одетый в куртку и кепку. Он взглянул на эксперта и, отводя глаза, быстро пошел по коридору. В этот момент раздался телефонный звонок, и незнакомец достал аппарат.

– Я уже еду, – сообщил он, – буду минут через двадцать или двадцать пять.

Он обернулся, посмотрел на подходившего к своему номеру Дронго, который как раз собирался открыть дверь, и поспешил к кабине лифта. Эксперт вошел в номер и заперся. Очевидно, это был тот самый банкир, о котором они говорили. Он был в очках и говорил очень негромко. Интересно, куда он может направляться в такое позднее время? Или Фостер не предупредил его, что в этом городе нельзя ночью

ходить по улицам, особенно после двух часов ночи? Нужно быть осторожнее...

Дронго вошел в свой номер, раздеваясь на ходу. Нужно еще раз принять душ, но он очень устал. Лучше принять его завтра утром. Он лег в кровать, глядя на изумительную перспективу спокойного океана, освещаемого взошедшей над ним луной, и закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Утром раздался резкий требовательный телефонный звонок. Дронго открыл глаза. Звонил его городской телефон. Он нахмурился. Кому могло понадобиться звонить ему так рано утром в номер гостиницы? Если кто-то из близких, то они вполне могли набрать номер его мобильного телефона. И вообще очень мало людей знает, что он находится в Кейптауне. А об этом отеле вообще никто не знает. Часы показывали половину восьмого утра. Недовольный тем, что его разбудили, эксперт наконец протянул руку, поднимая трубку.

– Я вас слушаю, – мрачно ответил он.

– Извините, что беспокою вас так рано утром, – услышал он тревожный голос Энцо Бинколетто.

– Ничего, – Дронго сразу приподнялся. – Что-нибудь случилось?

– Да. Случилось. Большое несчастье. Я даже не знаю, как мне реагировать... Можно я зайду к вам?

– Прямо сейчас?

– Да, конечно. Извините, что так рано утром...

– Энцо, мы друзья, – напомнил Дронго, – и вы пригласили

меня в эту поездку. Перестаньте извиняться и приходите. Я вас жду...

– Спасибо.

Дронго поднялся. Половина восьмого утра. Что такого ужасного могло случиться в это время? Он прошел в ванную, почистил зубы и успел надеть халат, когда в номер позвонили. Он открыл дверь. На пороге стоял растерянный и напуганный Бинколетто. Он был в костюмных брюках и спортивной майке, очевидно, надетой впопыхах. Дронго посторо- нился, пропуская его внутрь. Бинколетто оглянулся и быстро вошел.

– Случилось ужасное, – сообщил он. – Мне позвонили из полиции. Они будут здесь через десять минут. Я хотел бы вас попросить поехать вместе со мной.

– Что случилось? – спросил Дронго. – Вы не сказали, что именно случилось.

– Не сказал? Да, конечно, не сказал. Произошла ужасная трагедия. Сегодня ночью убили Стивена. Вы можете себе представить? Его убили! И именно поэтому офицеры полиции собираются приехать за мной...

Глава 5

Дронго прекрасно понимал состояние ворвавшегося к нему Энцо.

– Идите одевайтесь, – посоветовал он, – я буду готов через десять минут.

Как только Бинколетто вышел, он бросился в ванную. На бритье и утренний душ ушло пять минут, еще две минуты, чтобы одеться, и еще минута, чтобы спуститься в холл. Через восемь минут он был уже в холле отеля. Как раз в это время приехали сотрудники полиции. Один был темнокожий, другой – явно выходец из Азии, скорее всего, из Индокитая. Они явно кого-то ждали. Бинколетто появился через пять минут. Было заметно, как он волнуется.

– Здравствуйте, господа. Я – Энцо Бинколетто. Вы мне звонили?

– Да, – сказал офицер, выходец из Азии, – наш шеф хочет с вами поговорить. Вы можете прямо сейчас поехать вместе с нами?

– Конечно, – Бинколетто взглянул на Дронго. – Можно, чтобы со мной поехал мой друг?

– Какой друг? – не понял офицер, оглянувшись на Дронго. – Нет, конечно, нельзя. Никто вас ни в чем не обвиняет. Наш шеф хочет побеседовать с вами о погибшем. В его записной книжке указано, что вчера он должен был встретить

вас в аэропорту и заказать для вас ужин.

– Все так и было, – подтвердил Энцо, – но мы расстались с ним вчера ночью в отеле. А мой друг работает...

– Я его адвокат, – шагнул вперед Дронго, – и по закону вы не имеете права отказывать нам в совместной поездке на беседу с вашим руководством. Даже если господина Бинколетто вызывают в качестве свидетеля.

Офицеры переглянулись.

– Хорошо, – решил старший, – поедem вместе.

Они прошли к их автомобилю и уселись за заднее сиденье за решеткой. Бинколетто поморщился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.